

АНДРЕЙ ДИЧЕНКО



“ЕВРОПА”

РАССКАЗ

Дети находились в учебном классе. С виду это была самая обыкновенная аудитория, разве что без окон и с довольно скудным ламповым освещением. Из-за этого лица учеников выглядели слегка покрасневшими, будто каждый из них сторел на полуденном солнцепеке, а сейчас пришёл отвечать на вопросы по предметам.

Дети были необычными. Они не бегали по рядам между партами, вздымая клубы пыли, не кричали друг на друга и не исписывали парты с доской революционными речёвками взросления.

Атмосфера в их классе напоминала заброшенный в подвальных коммуникациях буддийский храм будущего, монахами в котором внезапно стали учёные люди.

Входная дверь отворилась, и в класс зашёл Учитель. Никто из детей не поднялся. Все лишь молча следили за этим высоким, атлетически сложенным мужчиной, которому очень шли осенние пальто и диковинные шляпы с широкими полями.

— Здравствуйте, мои дорогие ученики!

Услышав в ответ сказанное хором “здравствуйте”, Учитель отодвинул кресло и уселся за стол.

— Итак, мои необычные дети. Как всегда, вас здесь семеро, и сегодня у меня для вас чрезвычайно особенное задание...

Учитель говорил голосом предельно серьёзным, будто бы в следующую минуту отправит всех своих послушников на верную смерть. Впрочем, они

ДИЧЕНКО Андрей Станиславович родился в 1988 в Калининграде. С 1990-х живёт в Беларуси. Редактор минского журнала “Я”. Автор книг “Минское небо”, “Ты – меня”, “Плиты и провалы”. Рассказы публиковались в белорусских, российских, азербайджанских, сербских литературных журналах.

бы пошли и на это, потому что были особенными и совсем не знали, что такое самосохранение и для чего нужна человеческая жизнь.

— Сегодня каждый из вашей семёрки, мои маленькие гномы, должен будет рассказать...

— Что такое Европа! — перебила Учителя белокурая девочка Алеся. Она умела читать мысли, а поэтому часто говорила обрывками непонятных ей предложений. За это Алесю часто били, заставляли произносить всякую похабщину и брызгали в лицо перцовым баллончиком, чтобы записать из её уст потоки бессознательного. В школе Алесе нравилось, потому что тут на её ступнях и шее больше не будет синяков.

— Алеся сказала нам все верно! — сказал Учитель и улыбнулся. — Ну, раз ты, Алеся, первая начала говорить, то тогда скажи нам всем, что же такое Европа?

С протяжным скрипом отодвинув стул, Алеся встала и начала свой рассказ.

“Европа — это сплетение красивых лиц и мыслей, которые как бы направлены в будущее. И это всё при том, что человек на этой территории ходит и много думает. Затем он достигает облаков и пьёт их, как топлёное молоко. После этого спотыкается и начинает плакаться. Но не всем подряд, а только далёким птицам, которые кружат над ним и думают, как бы мне поклевать Европу. Если собрать все мысли этой территории в единое предложение, то там совсем не будет запятых. Для всех слов не хватит строчек, а буквы смешаются в большой и невкусный коктейль, который нам всем когда-нибудь придётся расписать и поблагодарить неизвестного повара.

Иногда Европа начинает раздуваться в огромный шар, наполненный огнём. Тогда нам всем надо бежать. Я один раз видела этот шар. Он целиком состоял из микроскопических глазных яблок, пронизанных чёрными сосудами жидкости, от которой нет жизни. Мне стало очень страшно, и с тех пор мысли мои были направлены сугубо в квадраты. Там, где есть квадраты, нет места Европе”.

Сказав свою речь, Алеся вышла из класса.

— Ну что ж, Сергей, настал твой черёд!

Сергей был блондином и обладал мускулистым и совершенно безволосым телом. Голос его был беззлобен, а в глазах сверкали молнии тотального уничтожения. Сергей питался только лишь человеческим мясом, а после был на встречах ему людей. Тот, кто попадал в диапазон протяжных звуков Сергея, моментально излечивался от всех недугов и сиял счастьем.

“Европа — она на вкус сладкая. По выходным воняет дохлыми псами, по будням летает на титановой метле вокруг планеты Земля. Европа жрёт планету Земля. Европа жрёт всё. Она белая, как плотный метастаз. Взяв в ладони Европу, ты поймёшь, что её никак не сжать. Металлические прессы ломаются, прежде чем приступить к давлению. Фактически Европа — это и есть давление на всё вокруг. Если вдруг её убрать, то основание разлетится, как череп, в который выпустили заряд свинцовой дроби”.

Сергей втянул ноздрями сырой воздух аудитории. Инстинкты тянули его в столовую. Сергей встал на четвереньки и, как слизняк, пополз за пределы класса.

Очередь подошла к Философу. Кажется, при рождении его назвали Алексеем, но на свой двенадцатый день рождения это создание обложилось толстыми книгами и подожгло себя. Из пепла Алексея возродился Философ.

“Европа. Как каземат. Как животное, у которого урчит. Никакой Европы на ощупь нет. Это только... Фантазия!”

Философ хотел сказать что-то ещё, но внезапно уснул. Учитель не стал его будить. Каждый раз, когда Философ спал, несколько солдат на КПП брали пластиковые шариковые ручки и писали своды высокопарных слов. После всё это прочитывали люди из специальной службы консервации разума. Подложив Философу под голову чёрный вязаный шарф, Учитель посмотрел на следующего ученика.

Девочка Ира больше всего в своей жизни любила рисовать. Раньше она брала в руки карандаш и графитом пачкала столешницы и белые половики

в подъездах. Потом она была как бы в депрессии и забыла технику рисования. Сейчас же с ней был Учитель, а поэтому лицо Иры на первых порах было синим, потом красным, а иногда и вовсе прозрачным. Сквозь неё люди видели *реальную картину мира*.

“Чёрный бьёт белого. Жёлтый рвёт красного. Синий спит с зелёным. Фиолетовый на всех смотрит свысока. Радуга становится нитью ДНК всяких цветов вообще. Её прочитать легко. Но сделать это лучше в Европе. Потому что во всех остальных местах за такое морят голодом и умерщвляют, воспаляя лёгкие”.

Ира достала листик и принялась рисовать цветы. Когда Ира много думала и обижалась, она всегда рисовала цветы.

— Теперь ты, Владик. Что ты думаешь про нашу текущую тему?

“М-м-м-м-м. В-в-в-в-в. Г-а-а-а-а-а-а-а”.

Набрав в рот воды из стакана, который он всегда носил собой, Владик заурчал. Через пять минут урчания он проглотил воду и продолжил:

“Европа не стала изначальным источником всего живого. Им была вода. Но вода появилась не в Европе. Там, о чём вы говорите, Учитель, там воду только портят. Злые люди портят”.

Владик плюнул на пол и растёр ладошкой свой плевок. Фрагмент доски, выкрашенный в красный цвет, заблестел.

“Вы не видите в лакированной поверхности моего отражения. Я не вижу в Европе чего-то, что способно поглощать”.

Владик сомкнул губы и приложил к ним указательный палец. Учитель понимающе кивнул головой. Владик умел *настраиывать*. Учитель же хотел держать дисциплину в классе, поэтому не противился молчанию своего подопечного.

Рядом с Владиком сидела Лена. Губы её были созданы для поцелуев, а голос — для звонких песен. Лена не стала дожидаться, когда Учитель вызовет её, и начала говорить сама.

“Когда я думаю о том, что вы мне говорите, я имею в виду песню. Когда я пою песню, энергии хватает, чтобы создавать сверхновые. У Европы не получится стать сверхновой, потому что такая уже есть немного западнее, и частично она от этой части света зависит. Вы меня поняли?”

Учитель одобряюще кивнул головой. У него остался последний ученик, который всё это время отмалчивался.

Лохматый Миша, надувший щёки. Он положил перед собой тетрадь и, изо всех сил надавив грифелем карандаша на бумагу, что-то вырисовывал, вкладывая в этот процесс не умение, а только эмоции.

— Миша, мой дорогой мальчик, что такое Европа? — вежливо спросил Учитель.

Миша лишь зло фыркнул, словно в нос ему засунули порох, и продолжил царапать листы в клеточку. Учитель подошёл к нему ближе и увидел, что Миша рисует свастики, кресты с мертвецами и светила, пронизанные двумя молниями сразу.

Закончив выводить последний агрессивный коловрат, означающий тотальное затмение, он принялся схематично изображать гору из пробитых человеческих черепов.

Настроение у Учителя от увиденного совсем испортилось. Всё дело было в том, что Миша видел будущее, а поэтому и без вопроса знал, что со всеми нами будет. И в первую очередь с Европой.